Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Димитрий Вайсенберг: «Музыка – это немножко волшебство» | Dimitri Weissenberg: « La musique c’est un peu de la magie »

Auteur: Надежда Сикорская, Гштаад , 12.02.2020.

Пианист Димитрий Вайсенберг (c) Nasha Gazeta

18-летний французский пианист с русским именем и еврейской фамилией,

мечтающий выучить русский язык и свободно владеющий японским, стал для нас открытием завершившегося в прошлые выходные в Гштааде 20-го выпуска фестиваля «Музыкальные вершины».

|

Un pianiste français de 18 ans, avec un prénom russe et un nom de famille juif, qui rêve d’apprendre le russe et parle couramment le japonais, est devénu pour nous la révélation de la 20ème édition du festival « Les sommets musicaux », à Gstaad.

Dimitri Weissenberg: « La musique c’est un peu de la magie »

До сих пор небольшая коммуна Канкаль в Бретани была известна только своими первоклассными устрицами – главным источником дохода ее пяти с небольшим тысяч жителей. Теперь есть все основания полагать, что второй ее достопримечательностью станет пианист Дмитрий Вайсенберг.

Еще только собираясь на фестиваль и изучая его программу, чтобы рассказать о ней вам, мы обратили внимание на это имя – именно из-за имени, о стоящем за ним музыканте мы раньше не слышали. А имя в музыкальном мире знаменитое. Дедушка Димитрия, родившийся в Болгарии пианист Алексис Вайсенберг, смог вырваться из нацистского концлагеря, разжалобив охранника исполнением Шуберта на аккордеоне – да, такое бывает не только в кино! Выпускник Джульярдской школы, еще до поступления в нее он отличился исполнением, в 1945 году в Палестине, произведений Бетховена в сопровождении Израильского филармонического оркестра под управлением Леонарда Бернстайна. Двадцать лет спустя, в Париже, после совместного исполнения Первого концерта П. И. Чайковского для фортепиано с оркестром, крайне скупой на похвалы Герберт фон Караян назвал его «одним из лучших пианистов нашего времени». Последний этап жизни Алексис Вайсенберг провел в Швейцарии – вел мастер-класс в Энгельберге (кантон Обвальден), сочинял мюзикл «Ностальгия». Здесь же и скончался – в 2012 году, в Лугано, в возрасте 82 лет. Некролог в New York Times назывался «Алексис Вайсенберг – пианист из льда и пламени».

В его внуком Димитрием мы познакомились в Гштааде сперва заочно – поднявшись в номер, услышали, как кто-то на этаже наяривает Третью Балладу Шопена. Следующим утром столкнулись на завтраке – узнать Димитрия по фотографии в фестивальном буклете не составило труда. В 16 ч. того же дня был часовой концерт – яркая эклектичная программа привлекла меломанов, до отказа заполнивших часовню Гштаада, на неделю в феврале превращающуюся в концертный зал. А уж потом, после бисов и щедрых аплодисментов, мы смогли спокойно побеседовать.

(c) Nashagazeta

Наша Газета: начинать карьеру пианиста с фамилией Вайсенберг – это и трамплин, и дополнительная ответственность. Когда Ваш дедушка умер, вам было 11 лет. Насколько он повлиял на Ваш выбор?

Напрямую – мало, я его почти не знал, видел всего четыре раза в жизни. Но опосредованно – в огромной степени. Он передал моему отцу почти полный набор своих записей – чтобы я слушал. И вот я рос, целыми днями слушая записи Алексиса Вайсенберга. Вперемешку с Тиной Тернер.

И дослушался!

И дослушался! В один прекрасный день, когда мне было пять или шесть лет, мы с родителями отправились в Париж – посмотреть организованную им выставку его коллажей, которая проходила в Grenier des Grands-Augustins, бывшей мастерской Пикассо в 6-м квартале. Частью выставки был большой подвешенный к потолку телеэкран, на котором «крутили» документальный фильм Аке Фалька, в котором дедушка играл «Петрушку» Стравинского. Я не мог оторваться от экрана. Вернувшись в Бретань, я снова и снова слушал эту запись. И принял решение серьезно заняться фортепиано.

Сохранился ли в семье болгарский язык? Звучит ли иногда русский?

Болгарский, к сожалению, не сохранился, а русский пока не звучит, но я обязательно должен его выучить – хотя бы ради собственного имени.

А почему, кстати, Вас назвали Димитрием?

Это второе имя моего отца, его зовут Давид Димитрий. А уж почему его так назвали, не знаю, но меня мое имя вполне устраивает, так как один из моих любимых композиторов – Дмитрий Шостакович.

Несмотря на отсутствие русских корней и языка, влияние русской музыки очень заметно: первым «большим» сыгранным Вами концертом стал Третий концерт Кабалевского, за ним последовал Второй концерт Шостаковича. Вы много играете Родиона Щедрина. Откуда это все?

Если вспомнить, что первым поразившим меня произведением был «Петрушка» Стравинского, неудивительно, что русская музыка занимает в моей жизни особое место – я ее обожаю. Кроме того, мой педагог Аньес Дюбуи-Шове, у которой я проучился почти десять лет в Консерватории Сен-Мало, тоже обожает русскую музыку – одним из ее педагогов был Михаил Воскресенский.

Концерт в часовне Гштаада (c) Nashagazeta

В Вашей биографии указывается, что в октябре 2018 года Вы поступили в

класс Рены Шерешевской, прославившейся, в частности, благодаря победам двух ее учеников – Люки Дебарга и Александра Канторова – на конкурсе имени П. И. Чайковского в Москве. Но задержались Вы в нем совсем недолго, уже в марте 2019-го поступив, на основе единогласного решения приемной комиссии, в Парижскую консерваторию (Высшую школу музыки и танца), в класс Мари Жозефы Жюд. Что случилось?

Ничего такого не случилось. Закончив среднюю школу, я оказался без педагога, и Аньес Дюбуи-Шове, лет пятнадцать тому назад побывавшая на мастер-классе мадам Шерешевской, очень советовала мне постараться попасть к ней. Что я и сделал, но с прицелом на Парижскую консерваторию. Мы начали работать, но она не любит вести ученика параллельно с другими педагогами – что я прекрасно понимаю! Мы расстались. Но, может быть, после трех лет в консерватории, я еще вернусь к ней.

2015 год был для Вас урожайным – победы на трех конкурсах подряд. Это здорово, конечно, но конкурсы, согласитесь, не самые престижные. Почему так, и считаете ли Вы вообще конкурсы чем-то полезным?

Это было пять лет назад, мне было 13 лет, и я участвовал в тех конкурсах, в которых мой педагог велела мне участвовать. Не могу сказать, что я большой фан конкурсов, но победа в них дала мне, мальчику из маленького города, много новых возможностей, в частности, для концертной деятельности. Да и в смысле самодисциплины это был полезный опыт. Но! Мне кажется, что конкурсы унифицируют игру молодых музыкантов, предъявляя к ней, как в спорте, технические требования в ущерб чему-то не менее важному. Так что в ближайшее время я не думаю участвовать в конкурсах, а займусь расширением репертуара – есть много произведений, которые мне хотелось бы сыграть.

Например?

Например, не так давно я открыл для себя «Вариации» Николая Капустина (род. 1937 г., советский и российский композитор, джазовый пианист – Н.С.). До сих не реализована мечта сыграть «Петрушку» Стравинского, с которого все началось. Есть и другие планы.

И в овале Вашего лица есть что-то от дедушки, и в манере игры – видимо, Вы тоже «лед и пламень», любите, как и он, композиторов-романтиков. Романтик ли Вы в жизни?

Насчет романтика не знаю, но люблю в жизни напряжение, сильные эмоции, страсти – во всех смыслах.

В программу Вашего сольного концерта в Гштааде Вы включили сочинение Родиона Щедрина « Basso ostinato », а на бис сыграли его же «В подражание Альбенису». Как ныне здравствующий российский композитор вошел в Вашу жизнь?

Опять же благодаря Аньес Дюбуи-Шове, а точнее – ее другу, пианисту и педагогу Игорю Краевскому. Он часто бывал у нас в Бретани и в один из приездов рассказал о «Basso ostinato» Щедрина, сказав, что это очень хорошее сочинение, всегда пользующееся успехом у публики. Так я открыл для себя Родиона Щедрина, и с тех

пор постепенно осваиваю его творчество.

(c) Nashagazeta

«Basso ostinato» было единственным произведением, которое Вы сочли нужным представить публике в Гштааде, подчеркнув, что оно было написано в 1961 году, в разгар холодной войны. Почему?

Мне нравится знакомить публику с новыми для нее произведениями. Щедрин в Гштааде, наверное, менее известен, чем Бах, Лист, Равель, Шопен и Дебюсси, чью музыку я тоже в тот день играл. «Basso ostinato» – непростое ни для исполнения, ни для восприятия произведение, и я решил сказать несколько слов о контексте, в котором оно создавалось, надеясь пробудить интерес к творчеству Родиона Константиновича Щедрина в целом.

Параллельно с учебой в Парижской консерватории Вы учитесь в Сорбонне, осваивая двойной курс – математика и философия. Это для чего? На всякий случай, если карьера музыканта не задастся?

Именно так, ведь гарантий никаких нет. Я люблю математику и считаю философию интереснейшей наукой, а потому очень благодарен нашему факультету за возможность не просто учиться, но и учиться в особых условиях – учитывая мою музыкальную деятельность, мне пошли навстречу и разрешили пройти положенную программу за четыре года вместо трех, но я пройду ее полностью.

Чем еще Вы увлекаетесь? Как проводите свободное время, которого, я понимаю, у Вас не много?

Я играю на электрогитаре в рок-группе.

Вот это да! И обходитесь без шока цивилизаций от столкновения классической музыки с роком?

Легко! Меня интересует музыка в глобальном смысле, я не считаю, что между разными жанрами и стилями есть четкие границы, которые нельзя пересекать.

Есть ли у Вас мечта?

Хороший вопрос, для ответа на который я должен вернуться к предыдущему и рассказать об еще одном увлечении – магией. Я люблю показывать фокусы. Когда я был маленьким, подруга мамы, которая в тот день со мной «сидела», отвела меня в магазин всяких «волшебных штучек». И я, что называется, подсел. Вообще, мне кажется, что есть какая-то связь между магией, волшебством и музыкой. Серьезный фокус четко структурирован, как и музыкальное произведение, и в обоих случаях речь идет не только о технике, но и контакте с людьми. Фокусник и музыкант развлекают аудиторию, вступая с ней в диалог.

Очень интересная мысль, но вернемся к мечте.

Мечта у меня не одна, их много, некоторые кажутся невыполнимыми… Одна из них касается, ни много ни мало, реорганизации современного общества. Что я имею в виду? Очень многие люди занимаются работой, не доставляющей им никакого удовлетворения и которой они точно не занимались бы, если б им не надо было зарабатывать на хлеб. При этом есть люди, которые работают в удовольствие, и именно они чаще всего достигают успеха. Представляете, как было бы здорово, если

бы роботы заменили часть профессий, которые никто не любит, и работали бы только те, кому хочется?

Еще одна мечта имеет прямую связь с творческими профессиями, ведь музыка, книги, фильмы часто ориентированы на то, чтобы нравиться публике – от этого зависит успех авторов. Можно предположить, что искусство было бы намного более смелым и разнообразным, исчезни этот фактор.

(c) Nashagazeta

Вы – живое воплощение культурного разнообразия, столько кровей в Вас перемешано. Чувствуете ли Вы, что одна из культур доминирует, или все равны?

Пожалуй, доминирующей культуры нет. Я вообще очень люблю разнообразие во всем, начиная с собственного репертуара. Иногда я чувствую особую близость к японской культуре – возможно, из-за того, что я по маме японец, какие-то вещи трогают меня больше, чем стопроцентных европейцев. Например, когда я слушаю японский поп и задумываюсь о том, как он создавался, то понимаю огромное влияние США, очень много вложивших в реконструкцию Японии после Второй мировой войны.

… предварительно сбросив на нее ядерную бомбу…

Да, конечно. Но в результате, японский поп – тоже отражение нескольких культур, и это меня трогает также, как клецмерская музыка, диск с записями которой мне

подарила мама. Все эти разные влияние и делают меня таким, какой я есть.
русская музыка
швейцарская музыка
Статьи по теме
20 лет на музыкальных вершинах

Source URL:
https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/dimitriy-vaysenberg-muzyka-eto-nemnozhko-volshebstvo